

когда къ церкви не принадлежали? Для васъ это былъ лишь наилучший поводъ изобразить себя мученикомъ и излить мучившій васъ ядъ на тѣхъ, кто доставилъ вамъ этотъ поводъ. И вы этимъ хорошо воспользовались, осталась-ли хоть какая-нибудь брань, съ которой вы не обратились бы къ отлучившимъ васъ? И въ концѣ концовъ вы обвинили ихъ въ подстрекательствѣ къ насилию надъ вами и даже къ убийству васъ!... Вы,—вѣчно подстрекающей своими писаніями, — обвиняете въ подстрекательствѣ другихъ, никогда и не думавшихъ ни о какомъ подстрекательствѣ и только—подчеркнувшихъ, такъ сказать, то, что вами самими давно уже сдѣлано и про-возглашено на весь миръ, а именно, что вы не только къ православной церкви не принадлежите, но и всѣми силами боретесь противъ нея. Съ ранней юности провозглашая на всѣ лады—“такъ жить нельзя”, какъ живутъ люди того круга, среди котораго вы живете и въ которомъ вы не можете не чувствовать себя участникомъ въ тѣхъ преступленіяхъ, которыхъ совершаются „*во имя обеспечения и спокойствия жизни*” этихъ людей,—вы не можете однако оторваться отъ нея даже и послѣ заявленія что не можете и не будете такъ жить, послѣ заявленія, которое, казалось, обязывало-бы васъ переменить, наконецъ, вашу жизнь? Почему-же это? Не потому-ли, что кругъ людей, среди которыхъ вы живете, суть ваши близкіе, ваша жена, ваши дѣти, которыхъ вы любите, не можете не любить, несмѣяя ни на что?!

Но въ томъ-же „Не могу молчать“ вы сами говорите, что любовь жены, дѣтей, „*это не любовь*“ „это не человѣческая любовь. Человѣческая любовь—это любовь человѣка къ человѣку, ко *всякому человѣку*, какъ къ сыну Божію и потому брату“.—Слѣдовательно любовь жены, дѣтей, какъ любовь не настоящая, не человѣческая, васъ не удовлетворяетъ, и въ жизни, которой вы жить не можете и *не будете*, удержать васъ не можетъ; что-же васъ притягиваетъ къ этой жизни, притягиваетъ до такой степени, что безъ насилия надъ вами оторваться отъ нея вы не можете? И какъ же вы упрекаете, обличаете другихъ въ томъ, что другіе не дѣлаютъ того, чего вы и сами не въ силахъ исполнить. Необходимо однако замѣтить, что ваше понятіе о любви такъ-же ложно, какъ и все, что вы проповѣдуете. По вашимъ словамъ, истинная любовь—„*это любовь человѣка къ человѣку, ко *всякому* человѣку, какъ сыну Божію и потому брату*“, т. е. это любовь не къ опредѣленному живому лицу, а къ человѣку *вообще*, къ человѣку, какъ онъ мнѣ представляется, любовь не къ тому, кого я вижу, съ кѣмъ имѣю общеніе, а къ моему представлению, котораго я не вижу и видѣть не могу; такимъ человѣкомъ не могутъ быть ни моя жена, ни мои дѣти, ни мои родители, ни всѣ близкіе мнѣ, потому что многое въ нихъ не соответствуетъ моему представлению о человѣкѣ, какъ сынѣ, Божіемъ. Однако еще апостоль любви называлъ ложью, когда, отказывая въ любви брату, говорять, что любить Бога, ибо, говорить апостоль, „*нелюбящій брата своего, котораго видѣть, какъ можетъ любить Бога, котораго не видѣть*“. И это вполнѣ согласно съ ученіемъ Христа Спасителя Нашего, осудившаго принесшаго въ даръ Богу то, чѣмъ должны бы были пользоваться отъ него родители его (Мате. 15, 5). Такая же ложь, конечно, и